

...Наконец, несколько гулких ударов молотка о планшет сцены — и перед нами комната в доме Оргона. Эта комната с высокими окнами в доме парижского буржуа XVII века напоминает интерьеры старинных мастеров французской живописи. Всё здесь исторически точно, просто, ничего лишнего. Гораздо наряднее выглядят костюмы, которые переносят зрителя в бытовую обстановку пышного и разорительного для Франции века. Очень любознательно и приятно слушать Мольера на родном его языке, со всем разнообразием оттенков и тональностей, разработанных актёрским пониманием и мастерством. Спокойно и ровно, временами наивно-торжественно звучит мольеровская речь в устах Оргона (Луи Сенье), добродушного и ограниченного человека, доверие которого можно приобрести очень легко. Задорно, подчеркнуто иронически и остро звучит слово Мольера у Доринны (Беатрис Бретти), служанки в доме Оргона, самой умной и дальновидной личности в пьесе. Стремительно, ярко окрашенное юношеским пылким возмущением и гневом, звучит мольеровское слово в устах молодого Дамиса (Андрэ Фалькон), сына Оргона. И, наконец, мрачно, резко, холодно и отточенно звучит мольеровская речь у Тартюфа (Жан Ионель).

Но кто бы ни говорил, вы всегда чувствуете стихотворную речь комедии, декламаторски отделанную в звучании каждой рифмы. Эту речь, высшее достижение французской классической драматургии, около трёх столетий звучащую на сцене «Комедии франсез», стремятся передать актёры слуху и разуму зрителя. Поэтому так часто кажется, что актёры не только говорят и действуют, но и блестяще декламируют. Это идёт от традиции, давно сложившейся, благоговейно передаваемой из поколения в поколение; в этом, конечно, одна из чисто национальных черт мольеровских спектаклей, окрашивающая их реализм своеобразием выражения и подхода к материалу. Некоторая неразработанность мизансцен, вначале удивляющая зрителя Малого театра, потом тоже воспринимается как одна из тех же черт национального своеобразия спектакля. И, конечно, это своеобразие помогает, например, Беатрис Бретти создать живой, правдивый образ Доринны.

Эта великолепная актриса, участница движения Сопротивления, награждённая орденом Почётного легиона, доставляет истинное удовольствие своей реалистической и

характерной игрой. Её Доринна умна, пасторальна, смела, правдива, в ней обобщены здоровый разум и воля трудового народа, его нравственные принципы чести и справедливости. Её взгляд, улыбка, смех, точный жест выражают наступательный дух обличителя и борца против обманщика и злодея Тартюфа.

Образ Тартюфа, мастерски сыгранного Жаном Ионелем, тоже приводит к интересным наблюдениям. Худой, мрачный человек в фиолетовом кафтани. Словно наперекор элегантным причёскам и пышным курчавым парикам других героев, прямые жидкие волосы Тартюфа некрасивыми космами падают на его землисто-бледные щёки. У него взгляд страстотерца и отчеканенная речь проповедника. Неужели это тот самый Тартюф, который, по словам Доринны, за ужином «две крошечки съел и съел бараний зад», а за завтраком бутылку «осушил до дна»? Тот, тот самый. Плотоядность его вкусов и желаний видна зоркому глазу Доринны, а легковёрным Оргону и мадам Пернель виден только панцирь его поддельной святости.

Известно, что, создавая образ Тартюфа, Мольер нацелил свои политические обобщения в сторону целой своры святош, чёрные деяния которой возмущали каждого честного, мыслящего человека Франции XVII века. Это была реально существовавшая реакционная организация церковников, называвшаяся «Общество святых даров», членами которой состояли многие сановники и принцы во главе с матерью короля, Анной Австрийской. Под покровом заботы о бедных и сиротах это сообщество мракобесов присвоило себе функции тайной полиции, стало своего рода государством в государстве. Имея в руках изворотливый изузитский аппарат, это сообщество обрушивало свои кары на всякое проявление свободной мысли, гуманистического искусства, народного жизнелюбия и общественной активности. Яростно проповедуя аскетизм и отрешённость от жизни в угоду «небесным силам», эти святоши устраивали своё земное благополучие, присваивали имущество прогрессивных людей, подвергшихся репрессиям по доносам носителей «святых даров». Недаром возненавидевший их народ Франции назвал это сообщество по-своему: «Заговор святош» («La cabale des dévots»). Вспоминая об этих исторических корнях возникновения образа Тартюфа, можно себе представить, с каким вниманием, с каким